

Глава 2

Родительский дом

Считается, что кто не помнит своих корней, у того нет будущего. Нам многое открывается в человеке лишь после того, как мы узнаем, кем были наши родители, деды-прадеды. Потому что семью создают не просто два человека — мужчина и женщина, а несколько родов, каждый из которых несет свою культуру, свои особенности, обычаи, духовную общность поколений, определяя тем самым семейное благополучие своих потомков.

Род — это, прежде всего память, преемственность поколений. Осмысливая историю своего рода, лучше понимаешь и самого себя, и своих родных. Не случайно же считается, что у человека порой возникает «зов крови», когда какая-то необъяснимая сила заставляет его приехать в родные места.

Род человека, его родословная в немалой степени влияет на нашу жизнь и на судьбу последующих поколений. Хорошо известны народные выражения: «на роду написано», «без корня и полынь не растет».

Или вот другое: «человек без роду и племени», «безродный». Так говорили в недалеком прошлом о людях, которые не знали своих предков. Люди, не помнящие своих предков, ожесточаются и черствеют. Ведь человек не появляется на пустом месте, из ниоткуда.

В старину, например, считалось, что ангелы-хранители — это наши предки, о которых мы знаем. Чем больше сво-

их прародителей мы знаем, тем больше у нас ангелов-хранителей, которые помогают в трудную минуту. У такого поверья есть вполне реальное обоснование: память о предках делает нас сильнее, спокойнее и мудрее.

Раньше почти в каждой культурной семье имелся подробнейший перечень всех близких и даже дальних родственников, а «родовое древо» висело, как картина, на видном месте в позолоченной рамочке. Рядом, тоже в рамочках, находились фотографии родителей, бабушек и дедушек. Знаменитыми предками в роду гордились. Это был образец для подражания.

В свое время я заинтересовалась происхождением своей фамилии. В дошедших до наших дней уникальных и очень старых исторических документах Бабкины были известными деятелями из славянского московского мещанства XV–XVI веков, имевших определенную власть и почести. Изначальные упоминания фамилии можно увидеть в указателе переписи населения Руси в эпоху Иоанна Грозного. Род Бабкиных записан в Твери, отрасль рода Марка Демидова. Кроме того, некоторые из Бабкиных — донские дворяне.

В архивных документах и исследованиях у этой фамилии много толкований и версий. Я не буду их все пересказывать. Но общие моменты сходятся в одном: *«Обладатель фамилии Бабкин может гордиться ею, поскольку это семейное наименование является замечательным памятником славянской письменности, культуры и истории»*. *«Бабкин проявляет лидерские качества и многого добивается в своей жизни, стремится к свободе, высоким достижениям. У него повышенная требовательность, вспыльчивость, авантюризм, гордость; если что-то надумает, ничто не сможет его остановить»*.

Вот такой психотип личности человека по фамилии Бабкин нарисовали исследователи. Кажется, в этом есть кое-что, близкое и мне. Часто вспоминая свое детство, бабушку и дедушку, я понимаю, что они тоже часть меня. И моя лич-

ность, моя судьба неразрывно связаны с историей и культурой моего рода...

Помню я себя с четырехлетнего возраста. Дедушка с бабушкой по материнской линии жили недалеко от нас в соседнем селе Новониколаевке.

Материнские корни уходят в род Чистяковых. Когда я приехала в Москву, мне очень хотелось жить на Малой Бронной. Совершенно бредовая идея.

Но потом выяснилось, что в Москве на Малой Бронной улице у моих родственников Чистяковых до революции находилась своя мануфактура, имелся свой особняк. Занимались они, говоря нынешним языком, коммерцией. Деловые и зажиточные были люди.

Дедушка мой, Чистяков, работал «мальчиком» у своего деда. Он принимал барынь, встречал их, помогал снять верхнюю одежду, провожал на второй этаж, где они, попивая чай, рассматривали и выбирали товар. А потом шестилетний паренек сопровождал их товар до дома. Хозяева давали мальчику чаевые. Он эти деньги привозил своему деду, хозяину дома. Тот брал сумму и из нее, сколько считал нужным, платил мальчику за его труды. Дед мой учился у своего деда быть рачительным хозяином, экономным, правильно расходовать средства, знать, куда их вкладывать.

Мама рассказывала, что к дедушке постоянно приходили за советом. Его знали и уважали как человека знающего, сметливого. И хотя дедушка мой был историком, но разбирался во многом, и в хозяйстве у него все было отлажено.

Когда в стране закончилась Гражданская война, многих стали раскулачивать. Начался страшный голод, и мои предки, чтобы спасти семью и детей, переехали в Нижний Новгород. Дом в центре Москвы на улице Малой Бронной продали, а в Нижнем Новгороде купили другой и продолжали семейное дело. Однако потом пришлось продать и этот дом. Переезжали из одного села в другое, из станицы в станицу, чтобы в конечном итоге осесть в Астрахани, где приобрели просторный

дом, из чистого дерева, с большим двором, который я очень хорошо помню.

Во многих городах страны царили разруха и голод. Но в Астрахани, благодаря хорошему климату и плодородной почве, еще можно было как-то выжить. Земля все может родить, что ни посади — помидоры, арбузы... И река кормит рыбой.

Можно сказать, что у меня две малые родины — Черный Яр и Зубовка. Росла я сначала в Зубовке, где папа занимал руководящий пост. Это в семи километрах от Черного Яра. Но школа там была лишь начальная, а в Черном Яре — десятилетка. И мне приходилось в любую погоду, неважно, снег ли, дождь, пешком ходить в школу в Черный Яр — семь километров каждый день. Обрато добиралась на попутках — кто на мотоцикле подвозил, кто на машине.

И Черный Яр, и Зубовка в прошлом — казачьи станицы. Черный Яр стоит примерно на том месте, где Волга делает поворот к низовью и потом растекается в огромные ручьи. Там огромный берег, как будто гора срезана — такая чувствуется мощь! Напротив Черного Яра — маленькая речушка Ахтуба, которая впадает в Волгу. Места просто фантастические! Там была потрясающая рыбалка: сазаны, судаки, лещи, подлещики, красноперки, тарань — все что хочешь. Климат в этих краях весьма своеобразный: лето очень жаркое, зима очень холодная.

Вместе с бабушкой жила ее мама, моя прабабушка, женщина грамотная, любившая читать. Она была уже очень старенькой — лет девяносто. У бабушки в доме всегда было какое-то особенное, вкусное молоко. Я сейчас, приезжая в какую-нибудь деревушку, если чувствую такой же запах парного молока, то всегда вспоминаю детство. Необыкновенно вкусно бабушка готовила молочную лапшу. Лапша получалась густая-густая, ложку ставишь — она стоит. В горшок клали яйцо, заливали топленое молоко, макароны. Все это

прямо в горшке «сажалось» в печку. Когда горшок доставали из печи, лапша была душистой, с корочкой, необыкновенной вкусноты.

Каждый раз, как вспоминаю этот своеобразный, ни с чем не сравнимый аромат, у меня слюнки текут. Этот запах, вкус моего здорового сытого детства не забыть никогда.

Бабушка с дедушкой жили на краю села. Улица была одна — широченная, здоровенная. На ней сельсовет и магазин. Дом стоял ближе к бережку, у реки.

Дорога до дома проходила через степь, которая по весне становилась невероятно красивой и живописной. В эту пору в степи расцветали тюльпаны — огромные, с кулак. Это не привычные всем садовые цветы, а степные — на толстой ножке, необыкновенно яркого чистого цвета — черные, малиновые, желтые, оранжевые, красные. Как глянешь на степь — глазам больно от пестроты и сочности красок. Я таких тюльпанов больше нигде не встречала.

Когда я стала постарше, мы ездили на велосипедах на озера Эльтон и Баскунчак. Там тоже цвели красивейшие цветы. Правда, они были очень нежные и долго не стояли.

Дедушка с бабушкой были большие труженики. Имели усадьбу: свой хлев, на дворе зады — это так называется второй двор. Хозяйство ухоженное, большое — куры, скотина. На дворе стояла мазанка, небольшой сарайчик с занавесками. И снаружи и внутри он был сделан из глины. Пол, стены — все гладенькое, тепленькое и приятное на ощупь.

Двор тоже был гладко укатан глиной, как будто асфальт положили. Веничком его, бывало, подметешь, водичкой обрызгаешь, и можно ходить босиком — такой он чистый, ухоженный, приятный для ног. Вообще наша деревенская глина обладала каким-то удивительным свойством — после того как она высыхала, не трескалась и сохраняла форму, которую ей придавали.

Я помню, как строили такие дворы, и даже сама в этом участвовала.

Сначала собирали кизяк. Его замешивали вместе с рубленой соломой и глиной. Получалось густое вязкое тесто. Все тщательно перемешивалось. Потом брали эту загустевшую массу руками, клали в форму и аккуратненько оглаживали. Затем помещали формочки на солнце, и они быстро высыхали. Получались кирпичики. Из этих кирпичиков строили дворы, сарайчики, в которых удобно и уютно зимовать скоту. А главное — не холодно, потому что дух и тепло сохранялись.

Мы сейчас читаем в книжках о том, что глиной даже лечиться можно. А я с детства эту глину ногами месила и не подозревала, что тем самым укрепляла свое здоровье...

Мою вторую бабушку — Варвару, маму отца, я совсем не помню. Все говорят, что внешне я на нее похожа. Она умерла, когда мне был годик, а мой брат Валера ее вообще не застал. Бабушка Варя была белошвейкой, то есть шила белье, одежду. Рассказывают, что она меня баловала и одевала как куклу. В деревнях, известно, ничего не выбрасывали, собирали лоскуты для заплат, пуговицы от старых вещей, в доме все могло пригодиться. Из каких-нибудь оставшихся обрезков баба Варя мне шила разные платъица, переднички, все с рюшечками и с ленточками.

По папиной линии дедушка был церковнослужителем. А поскольку папа всегда занимал руководящие посты, то, естественно, был членом партии. И они с мамой очень долго скрывали, что меня крестили. Я во взрослом возрасте сама покрестилась, думала, что некрещеная. Во Франции нашла себе батюшку, и он стал моим крестным и крестным моего сына. А когда приехала домой, маме сказала, она ответила: «Ну что ты, дочка, мы тебя в детстве уже крестили». Так что я внучка священника и дочка члена партии.

Отец мой Георгий Иванович (1916–1990) занимал в Астраханской области руководящие посты в организациях и на предприятиях народного хозяйства. Вообще-то папа у меня человек деревни, был он и председателем колхоза.

Отца все уважали. Он разговаривал с каждым колхозником на его родном языке.

Я все время удивлялась, откуда он знает столько языков и как всех понимает?! Однажды пришла к нему во время собрания, он мне говорит: «Ты подожди, дочка, посиди». Я села на лавку. Пришли дяденьки, стали что-то отцу говорить, а он им отвечает на непонятном мне языке. После собрания я спросила у отца: «Откуда ты знаешь столько языков?» А он отвечает: «Надя, люди пришли ко мне со своими проблемами. Я должен их уважать. Я с ними поздоровался, спросил, как живут, на их родном языке. А потом о делах колхоза мы говорили по-русски, чтоб каждому было понятно».

В работе отец был очень требовательный и в то же время душа нараспашку. Уж если он за что-то брался, можно было быть спокойным: как человек ответственный за свое дело, он выполнял его на самом высоком уровне. Все у него получалось. Если что-то сказал, пообещал, значит — «железно» сделает. Папа был партийным человеком, очень серьезным и основательным.

Однажды он придумал такую вещь: случился колоссальный урожай помидоров, вывезти который не представлялось возможным, но и дать погибнуть — жалко, ведь столько трудов вложено! Прямо на поле поставили специальную печь, и из томатов варили пасту, которую сами колхозники с удовольствием и раскупили. За эту самовольность отцу потом выговор объявили по партийной линии. К сожалению, такое было. Сплошь и рядом допускалась бесхозяйственность, а деловая инициатива часто наказывалась.

Я и мой брат Валера не могли запятнать авторитет отца. Детям председателя колхоза нельзя было не трудиться на полях. Почему дети рядовых колхозников должны работать, а мы нет? И мы работали на полях наравне со всеми. Пололи, поливали. Когда покос или посевная, вся деревня поднималась, и мы в четыре утра вставали. У нас как было: зимой

учимся, а в каникулы — работаем. Это у кого-то каникулы как каникулы, а нам отдыхать летом казалось зазорным.

За свою работу мы получали деньги, как и все, 15—30 копеек за одну прополотую грядку. А у Валерки вообще были большие амбиции. Он всегда зарабатывал больше всех. Как же — сын председателя должен работать лучше всех. Валера шел на самый тяжелый участок — сенокос. Причем косили не комбайном или сенокосилкой, а косой-литовкой.

Помню такой случай. У нас не было коровы, родители вообще не держали скотину, некому было за ней ухаживать. Мама — учительница, целый день в школе. Отец — председатель колхоза, тоже занят. Мы в школе, на занятиях. И вот Валера заработал на сенокосе стог сена и отдал его соседям. Так они нас потом долго поили молоком.

Люди, связанные с землей, — они другие. Они умеют разговаривать с планетой, с ее энергией. Человек, который с землей имеет дело, — мощный, сильный. Наверное, и мне это генетически передалось.

Папа мой, Георгий Иванович, происходил из казаков. По происхождению я потомственная казачка, с Юга России, родилась и выросла в Астраханской области. Уклад дома был свой, казачий, неповторимый, ведь казаки — это особое словие. Добрейшие люди! Гостеприимство, душа нараспашку. Чтобы кто-то голодным остался или кто-то ночевал на улице — сроду такого не было. В казачьей семье меня приучили к порядку, дисциплине, уважению старших, хорошей учебе и обязательно — труду.

Моя мама, Тамара Александровна, по своей природе была женщина тихая и спокойная, но обладала сильным и волевым характером. Мы, дети, никогда не слышали, чтобы она кричала, говорила на повышенных тонах. Никогда. Могла умолкнуть, уйти в себя, но не выплескивала эмоции. Она была человеком довольно строгим, сдержанным, уравновешенным, с каким-то обостренным чувством справедливости, которое и в нас воспитала. В своих воспоминаниях и снах я ви-

жу ее всегда молодой, красивой, энергичной — такой она останется со мной навсегда.

С отцом они встретились после войны. Мужем и женой стали в 1948 году. Они были совершенно противоположными людьми, и, может быть, благодаря этому жизнь прожили чудесную.

Мама работала учительницей младших классов. Когда началась война, ее мобилизовали на фронт. Два года она служила в военной цензуре в Сталинграде, потом с наступающими войсками дошла до Белоруссии. Когда демобилизовалась, вернулась домой к родителям и стала продолжать работать учительницей начальных классов.

В то время для многих семей учитель был родным и близким человеком. Это была дружная семья: дети, родители, учителя. Все старались поддерживать друг друга, вместе проводили традиционные праздники, вместе грустили, веселились, строили планы на будущее. Здесь учитель был у всех на виду, всю жизнь жил как на сцене перед зрителями-односельчанами. Это очень ответственно и почетно.

Учитель чувствовал свою значимость. К нему приходили поговорить и посоветоваться не только ученики, но также их родители. В прежние времена сельский учитель пользовался особым почетом, непререкаемым авторитетом.

В наши дни отношения «учитель — ученик» в корне изменились. Педагогу нередко приходится работать не столько с детьми, сколько с их родителями, среди которых, к сожалению, далеко не все являются достойным примером. Почему-то многие родители считают, что раз они отдали своего ребенка в школу, то школа должна им полностью заниматься. Получается, что все знают свои права, но часто забывают о своих обязанностях. Вот и укоренилось правило: родитель всегда прав, ученик всегда прав, а к учителю можно относиться как к обслуживающему персоналу. Поэтому от учителя в наше время требуются не только глубокие знания, но также

душевные силы, терпение и выдержка. Разумеется, в педагогике, как и в любой другой профессии, попадаются хорошие работники и плохие. Одни любят детей, а других к детям на пушечный выстрел подпускать нельзя. Но второй вариант, скорее, исключение, чем правило.

С моей мамой у меня связано все самое лучшее в жизни. Перед ней я всегда в неоплатном долгу. Она не только подарила мне жизнь, но и научила своим примером многому, научила работать и делать любое дело на совесть. Отвечать за свои поступки, любить и уважать взрослых, особенно старшее поколение, и детей — это тоже материнский наказ.

Верно сказал один мудрый человек: «После Всевышнего мы в первую очередь в долгу перед женщиной: сперва она дарует нам жизнь, а потом придает этой жизни смысл».

Все в жизни начинается с матери: первый вздох ребенка, первый крик, первая улыбка, первая песня у колыбели. Самим Богом и природой предназначено женщине-матери нести в мир свет и добро, быть символом величайшей созидательной и нравственной силы. Она — хранительница семейного очага, тепла и уюта в доме. От ее ласки, заботы, терпения, мудрости зависят крепость и благополучие семьи.

Я всегда с восхищением и особым теплом отношусь к российским женщинам-матерям. На их долю выпало столько испытаний и трудностей, сколько, пожалуй, никому в мире. На их духовной силе, великом терпении, милосердии и доброте испокон веков держалась Родина.

Наши женщины вынесли на своих плечах всю боль и тяжесть ушедшего века.

В суровые годы Великой Отечественной войны они наравне с мужчинами защищали Отечество на фронте. В тылу они заменили своих мужей, отцов, братьев. Руки наших матерей до сих пор помнят тяжкий труд в военное лихолетье, вес драгоценной пайки хлеба, полученной на рабочую карточку.

Женщины наши сами голодали, ели жмых пополам с лебедой, но армию кормили. Своим материнским благо-

словением они осеняли уходящих на фронт мужей, сыновей, дочерей. А сколько они пережили горя, получая леденящие душу похоронки, оставаясь без кормильца с малыми детьми на руках!

Да разве только война выпала на их нелегкую долю? А голодные, тяжелые послевоенные годы? И тогда наши матери работали за гранью человеческих возможностей. Трудно переоценить значение материнского подвига в судьбе нашей страны.

Вспоминая свою маму, я теперь часто думаю, что пока есть мать, дети защищены огромной силой. Любовь матери, ее молитва, как талисман, оберегают нас от несчастий, заряжают нашу жизнь чистой энергией добра.

И независимо от того, сколько нам лет, в самую тяжелую минуту мы невольно зовем маму. Тогда все отступает: и тревоги, и боль, и горечь. Для матери ребенок, будь он царем, президентом или водопроводчиком, всегда самый родной, самый дорогой и любимый человек на Земле. И она вечно будет его оберегать от трудностей и опасностей.

В моей семье я воспитывалась в народных традициях. Не понаслышке и не по книжкам, а реально в них жила. Неудивительно, что впоследствии выбор мой сразу пал на народные жанровые песни. Каждая культура имеет свою особенность. Это ведь не формальное произношение слов — душа начинает работать!

Села, в которых мы жили, были многонациональны. Кто здесь только не проживал: и русские, и казахи, и казаки, и чеченцы, и украинцы, и армяне. И все жили дружно, ладно и весело. Была взаимная поддержка, понимание, не было среди людей никаких ссор. В селе все друг про друга все знали. Все со всеми здоровались. Люди друг к другу относились по-особому. Ощущалось какое-то родство. Все были родными и близкими. В беде и горе сосед старался соседу помочь. Замков на воротах никто не вешал. У нашего дома двери всегда были нараспашку. Когда появлялся новый человек, спрашивали:

«Кто, откуда, к кому приехал»? Незамеченным не оставался никто. Были общие праздники, общие радости.

Если у нас во дворе гульбища шли, допустим, новогодние колядки, и все наряжались, то мы с братом Валерой не могли узнать, кто у нас папа, а кто мама. А уж если свадебка чья-то была, то по деревне проезжала телега или полуторка с открытыми бортами и там стояло трюмо, обязательно лежала гора подушек, перины, кружевные подзоры. И все видели, что это приданое невесты. А впереди бежали ряженные и кидали детям карамельки. Я этого забыть никогда не смогу.

А на краю нашего села размещался цыганский табор. Одни цыгане уходили, другие приходили. Костры, кибитки, гитары, а как они пели — не передать! Мы все время бегали ночью их слушать. Нам было безумно интересно смотреть на них, на их образ жизни и как-то приобщаться к этому колориту.

Для меня понятие родины постоянное. Это реальная сила, которую я ощущаю, и которая идет от земли. Я ее чувствую. Она меня держит крепко. Не имеет значения место, в котором ты родился, жил или живешь сейчас. Я думаю, никого не надо убеждать, что своя квартира, свой дом, по степени важности для человека, стоят сразу же вслед за водой и хлебом насущным.

И как бы трудно ни приходилось в жизни, если вокруг крепкие, надежные родные стены — это как спасательный круг для семьи, тогда можно преодолеть любые невзгоды! Знаете, если бы у меня была машина времени, я бы хоть ненадолго вернулась в родительский дом, чтобы вновь ощутить тот неповторимый запах детства, то особое тепло, которое никогда ни с чем не спутаешь и никогда не забудешь. Запах из детства — самая мощная в мире машина времени, писал Михаил Задорнов. Это святыня, куда хочется приходить вечно! Это то место, по которому тоскует душа и к которому притягивает необъяснимая сила. Ведь дом — это не просто жилище, крыша над головой, не просто здание, которое защищает

от холода и дождя. Дом — это уклад жизни, традиции, обычаи, привычки. Это встречи и расставания, которые и через долгие годы перебираешь в памяти и к которым, как к живительному роднику, припадаешь в своих воспоминаниях. Здесь хранятся семейные фотографии, старинные вещи бабушек и дедушек, а может — еще прабабушек и прадедушек.

Как здорово быть дома — под родной, теплой крышей, когда за окном моросит холодный осенний дождь или метут зимние метели, а тебя согревают стены твоего дома, внимание и забота дорогих тебе людей. Можно ли пожелать большего счастья для человека? Родные люди — семья, дом — это воистину «...надежный причал...». Это частичка моей души.

Оглядываясь на прожитое, до сих пор чувствую, как много в душе осталось от детства. Человек формируется из истоков. Воспитание ребенка происходит до пятилетнего возраста. И лишь потом он начинает активизировать то русло, в которое родители смогли его направить. Самые первые уроки мы получаем в семье от родителей, которые всегда являются для нас примером и в поступках, и в делах. Конечно, многие качества человеческого характера приобретаются потом, позже, с годами, с опытом, через преодоление невзгод, осознание ошибок, горечь утрат. Но есть глубинные, стержневые свойства личности — доброта, порядочность, честность, милосердие, которые наследуются от родителей, передаются с молоком матери. Мои родители делали все правильно. Даже когда я уже училась в Москве и приезжала домой в Астрахань, меня мой папа, председатель колхоза, гнал тут же на поле. «На обратную дорогу, дочка, зарабатывай сама». И я собирала помидоры, благо с одного куста можно ведро собрать. Норма — 12 ящичков, и все, что сверх нормы — по 10 копеек.

Родители воспитывали меня в любви и уважении ко всему: людям, труду и всему, что меня окружает. Моя душа не противится моим действиям. Это называется гармония. В быту то же самое. Я непривередливая, очень непритязательна

в еде. Для меня деликатесы — что они есть, что их нет — значения не имеют.

Нынешней молодежи хочу дать такой совет: берегите, любите, жалеите родителей, пока они живы, ведь можно и не успеть вовремя заглянуть в родные глаза, поцеловать заботливые руки, а потом горько сожалеть и корить себя за это. Цените каждый миг, прожитый рядом со своими родителями. В мире не осталось ничего более подлинного, чем родительская любовь.

Да, мы привыкаем, что родной, близкий тебе человек живет рядом. Для нас становится нормой, что о нас кто-то постоянно заботится, ждет, волнуется, переживает, любит. Кажется, что так и будет всегда. Но в том-то и дело, что «всегда» не бывает в нашем конечном мире. Как часто мы начинаем понимать, что были счастливы тогда, когда это счастье теряем.

Каждый прожитый день — невероятно дорогой подарок судьбы. И на каждый день надо смотреть, как на маленькую жизнь, а не откладывать все на потом. Ведь «потом» может и не быть.

Сейчас, с высоты прожитых лет, когда я уже сама мать и бабушка, невольно о многом задумываешься, переосмысливаешь пережитое, понимаешь, сколько бы я еще сказала теплых слов самым дорогим мне людям на земле.

Память — это великое дело. Пока мы помним, история продолжает формироваться. История про наших родителей, дедов, прадедов, она про нас с вами. И мы в ней сегодня все участвуем.